

Лютова С.Н., к.филол.н, доцент

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, Россия

**РОЛЬ ЕПИСКОПА РПЦ В КУЛЬТУРНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
РУССКОГО ОБЩЕСТВА НАКАНУНЕ 1917 г.:
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ КОНЧИНЫ СЦМЧ. АРХИЕПИСКОПА
ВАСИЛИЯ (БОГОЯВЛЕНСКОГО)**

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет собой кейс-стади, позволившее исследовать направления работы российского епископата в области образования, благотворительности, культурного строительства и коммуникации между различными стратами русского общества – как в епархиях, так и в Святейшем Синоде накануне и в течение 1917 г. Анализ осуществлён на примере служения прославленного в 2000 г. для общецерковного почитания в лике священномучеников архиепископа Василия (Богоявленского), 100 лет со дня кончины которого исполняется в 2018 г.

Все этапы жизни В.Д. Богоявленского рассмотрены в историческом контексте в свете актуальной для того времени и перспективной роли РПЦ в социокультурной эволюции России: детство и отрочество, отмеченные благотворным влиянием дедушки, отца и семинарских преподавателей; восемь лет служения в качестве сельского священнослужителя и законоучителя в родной Тамбовской епархии; обучение в Казанской духовной академии, защита там кандидатской, а позже и магистерской диссертаций, определяющее влияние профессоров Академии; служение иереем в Казани, преподавательская и епархиальная деятельность там; пострижение в монахи в Александро-Невской лавре Санкт-Петербурга; назначение ректором духовной семинарии, викарным епископом и, наконец, архиепископом Черниговской епархии; работа в качестве присутствующего члена Святейшего Синода и конфликт с «революционной» Обер-Прокуратурой, опровержение ложных обвинений; управление Московским Заиконоспасским ставропигиальным мужским монастырём и участие в Поместном Соборе Русской православной церкви; принятие на себя особой миссии, возложенной Собором и Патриархом Тихоном, мученическая кончина в возрасте 51 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Собор новомучеников и исповедников российских, Сонм Святых отец Поместного Собора Церкви Русская (1917-1918 годов), архиепископ Черниговский и Нежинский Василий (Богоявленский), история РПЦ, Тамбовская епархия РПЦ, Святейший Правительствующий Синод.

Svetlana Lyutova, Assoc. Prof., PhD (philology)

MGIMO-University, Russia

THE ROLE OF THE EPISCOPATE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN THE CULTURAL DEVELOPMENT OF RUSSIAN SOCIETY ON THE EVE OF 1917:

TO THE 100th ANNIVERSARY OF THE DEATH OF THE HIEROMARTYR ARCHBISHOP VASILY (BOGOYAVLENSKII)

ABSTRACT

The article is a case study, which allowed us to explore opportunities and areas of work of the Russian episcopate in the field of education, charity, cultural development and communication between the various strata of Russian society – both in the dioceses and in the Holy Synod before and during 1917. The analysis is conducted on the example of Hieromartyr Archbishop Vasily (Bogoyavlenskii), 100 years from the day of his death will fulfilled in 2018.

All life stages of V.D. Bogoyavlenskii considered in a historical context in the light of relevant for that time and the prospective role of the ROC in sociocultural evolution of Russia. Childhood and adolescence, marked by the influence of his father and of Seminary professors. Eight years of service as a rural clergyman and catechist in his native Tambov diocese. The Kazan theological Academy, candidate's and later master's theses there, a decisive influence of the professors of the Academy. Years of being a priest in Kazan, teaching and diocesan activities there. Tonsured a monk at the Alexander Nevskii monastery in St. Petersburg. The appointment of the rector of the Seminary, auxiliary Bishop and finally Archbishop of Chernigov diocese. Work as a present member of the Holy Synod and the conflict with the "revolutionary" Chief Prosecutor's office, the refutation of false charges. Management of Moscow Zaikonospasskii Stavropegial monastery and participation in the Council of the Russian Orthodox Church. Taking on a special mission, assigned by Patriarch Tikhon, and martyrdom at the age of 51 years.

KEYWORDS

New holy martyrs of Russia, the Holy Fathers of the Local Council of the Russian Church (1917-1918), hieromartyr Archbishop of Chernigov and Nezhin Vasily (Bogoyavlenskii), the Russian Orthodox Church history, the Tambov diocese of the ROC, the Holy Synod of Russian Orthodox Church.

В настоящей статье предпринята попытка создать представление об архипастырских деяниях и подвиге сщмч. архиепископа Василия Черниговского в контексте предреволюционных исторических событий впервые с позиций светского исследователя – психолога, историка и философа культуры. Новизна исследования заключается также в том, что исследовано влияние на формирование взглядов и убеждений В.Д. Богоявленского примера его отца (биография которого никогда не составлялась прежде) и двух известных иерархов РПЦ: Антония (Храповицкого) и Антония (Вадковского). Впервые обозначены мотивация и субъективные цели деятельности Василия Черниговского по модернизации епархиальной жизни в контексте претензий к нему со стороны «революционного»

епархиального духовенства. Впервые в фокусе внимания оказываются работа Владыки Василия в Святейшем Правительствующем Синоде в качестве присутствующего его члена (1916-17 гг.) и главы Синодального Издательского Совета.

Новизна исследования заключается и в проверке оригинальной гипотезы автора: гонения, которым подвергся архиепископ Василий весной 1917 г., явились, прежде всего, следствием его конфликта с обер-прокурором Синода Львовым по поводу деструктивных издательских инициатив последнего, а уже затем следствием общецерковных реформ и подъёма революционного духа в епархии. Кроме того, в статье обозначены события последнего, московского, года жизни В.Д. Богоявленского и отношения к нему членов нового (после 14 апреля 1917 г.) состава Синода как малоизученные и перспективные темы будущих исследований.

Источниками при написании данной статьи стали: две монографии самого В.Д. Богоявленского, две его проповеди, прижизненные справочные и периодические издания, опубликованные архивные материалы и мемуары пяти современников, житийная литература, тексты по истории РПЦ и научная литература, современная периодика и Интернет-ресурсы. Как родственница Владыки Василия автор обращалась также к своему домашнему архиву и сведениям из устной семейной исторической традиции.

Целостная картина жизни священномученика и представление о характере его окружения сложились у автора в результате сопоставления фрагментарной и часто противоречивой информации, извлечённой из названных источников. Жизнеописание выстроено хронологически в соответствии с периодами личностного становления В.Д. Богоявленского и служения его Русской Православной Церкви.

Василий Дмитриевич Богоявленский родился 1 февраля ст. ст. 1867 г.¹ в с. Старосеславино Козловского уезда Тамбовской губернии² третьим (из десяти) ребёнком в семье о. Дмитрия, священника местного храма Михаила Архангела, и супруги его Елизаветы Александровны. Восприемниками при крещении 6 февраля стали Иван Ефремович Дубровский³, священник с. Лаврово, и Людмила Аристарховна, жена И.И. Сеславинского, священника с. Троицко-Ивановского, дяди новорождённого по отцу⁴.

Необходимо рассказать о семье Василия, и прежде всего о дедушке, родоначальнике Богоявленских. Иоанн Степанович Богоявленский (1802-1863), сын дьячка, окончив в 1828 г. Тамбовскую духовную семинарию по I разряду и женившись на Евдокии Никифоровне, дочери покойного священника местного храма, принял приход тестя в Старом Сеславине и 34 года оставался там пастырем. Из них 10 лет служил благочинным, был избран депутатом на епархиальный съезд духовенства, затем назначен духовником своего округа, был удостоен многих наград, в их числе наперсным крестом в память Севастопольской войны. Иоанн Степанович «имел такую сильную любовь к духовному просвещению, что, при ничтожных средствах, сумел составить церковную библиотеку количеством до 500 томов духовно-нравственного содержания; выписывал почти все современные журналы, постоянно сам читал»⁵, – вспоминал об отце его старший сын о. Иоанн Сеславинский.

---

¹ ГАТО. Ф. 1049. Оп. 3. Д. 5182. Л. 32 об.

² В 2002 г. там была освящена часовня во имя сщмч. архиепископа Василия на месте церкви, в которой с начала XIX в. служили его предки, где сам он был крещён (часовня требует реставрации росписей).

³ Фамилию тамбовских священников Дубровский А.С. Пушкин мог заимствовать для героя своего одноимённого романа из архивного дела о тяжбе между помещиками Козловского уезда. Именно она легла в основу сюжетной линии, и Пушкин даже включил в текст подлинный судебный документ (см. об этом: *Пушкин А.С. Полн. Собр. соч. В 10 т. Изд. 3-е. Т. 6. Художественная проза. М.: Наука, 1964. 840 с. С. 771).*

⁴ О родословии Богоявленских / Сеславинских подробнее см.: *Лютва С.Н., Серженко И.И.* К вопросу о родословии митрополита Владимира (Богоявленского) и архиепископа Василия (Богоявленского) // *Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 75. С. 11-21.*

⁵ Сеславинский И., свящ. Некролог И.С. Богоявленского // *Тамбовские епархиальные ведомости. 1864. № 7 (от 1 апр.). С. 270-273.*

Не застав дедушку на этом свете, будущий магистр богословия и архиепископ, Василий, несомненно, пользовался в детстве этой библиотекой и духовно сформировался под влиянием подобранной Иоанном Степановичем литературы. Не в память ли об этой скромной церковной библиотеке будущий архиепископ в Чернигове соберёт библиотеку, крупнейшую из епархиальных в России?

Отец будущего священномученика Д.И. Богоявленский (1840–1885) стал первым учителем своего сына. Родившись в том же Сеславине (более ранее название села), он окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1862 г. по I разряду, получив степень студента (как и отец его, и старший брат⁶). В начале 1863 г. в епархиальном издании было опубликовано распоряжение: «Села Сеславина священник Иван Богоявленский, согласно прошению, по старости уволен за штат; на место его определён сын его, студент семинарии Димитрий Богоявленский»⁷. Заместив отца на приходе, о. Дмитрий уже через 11 лет получил благодарность от епархиального начальства «за примерно усердное и полезное пастырское служение»⁸. Был законоучителем, трудился в епархиальном попечительстве о бедных духовного звания и стал председателем попечительства приходского. Пользуясь авторитетом среди местного духовенства, не раз избирался Благодичным 5-го Козловского округа, был награждён набедренником, скуфьёй, камилавкой и знаком Красного Креста, по сведениям из его некролога⁹.

Вдова о. Дмитрия на много лет пережила мужа, став свидетельницей всех успехов сына Василия, и близко к сердцу приняла гонения, которым тот подвергся в 1917 г. Ободряя её, друг семьи писал: «Честь и слава Вам как матери, удостоенной от Господа иметь такого выдающегося архиерея Божия...» [Священномученик Василий, 2014, с. 412].

В.Д. Богоявленский после Кирсановского духовного училища окончил Тамбовскую духовную семинарию в 1888 г. по I разряду, студентом. Таким ученикам была открыта дорога в Духовную академию или к светскому высшему образованию, но будущий священномученик принял сан диакона: необходимо было помогать овдовевшей матери с семью младшими детьми на руках¹⁰.

Позже, женившись, Василий Дмитриевич служил сельским священником в с. Овсянка Кирсановского уезда Тамбовской епархии. К трудному опыту тех лет он обратится позже в нескольких строках своей кандидатской работы: «Нам пришлось служить в небольшом приходе при деревянной церкви; в продолжение шести лет пришлось заплатить за церковь, которая страховалась в 10 тысяч рублей, страховых более 400 рублей; около этой суммы пришлось заплатить за свой дом, дом деревянный, крытый глино-соломой; дом с имуществом страховался в три тысячи рублей. Каково же приходится церкви и духовенству, при их малых доходах, выплачивать такие суммы?!» [Богоявленский, 1902, с. 73].

Будучи в те годы законоучителем церковно-приходской школы, о. Василий на практике познал все трудности и этого служения: «Наблюдатели открыто требуют от священников (что, между прочим, пришлось и нам в своё время выслушать от бывшего наблюдателя церковных школ Тамбовской епархии Пр. Б-го), главным образом, представления к экзаменам известного количества учеников, забывая, что лучше воспитать больше детей вообще в правилах христианской морали, чем выпустить мало, но снабжённых льготными свидетельствами» [Богоявленский, 1902, с. 145].

В 1893 г. у четы Богоявленских родился сын Дмитрий – единственный ребёнок о. Василия: чахотка жены прогрессировала, и здоровья на других детей уже не оставалось. Вопреки распространённой в житийных текстах информации о том, что В.Д. Богоявленский принял постриг в 1908 г., только что овдовев (под влиянием горя), документы

---

⁶ Сведения из домашнего архива автора, потомка вышеупомянутых И.И. и Л.А. Сеславинских.

⁷ Тамбовские епархиальные ведомости. 1863. № 3 (от 1 февраля). С. 33.

⁸ Там же. 1874. № 10. С. 224.

⁹ Там же. 1885. № 8 (от 15 апреля). С. 161.

¹⁰ Владыка Василий не оставлял родных своими заботами и в дальнейшем. См.: [Священномученик Василий, 2014, с. 66, 398-401, 412].

свидетельствуют о том, что о. Василию потребовалось не менее пяти лет, как будет показано ниже, чтобы осознать своё иноческое призвание. По свидетельству же внучки священномученика Тамары Дмитриевны Богоявленской, бабушка её Елизавета умерла в возрасте 23-х лет¹¹, а значит, если тут нет ошибки, и вовсе скончалась не позже 1896 г.

Об этом трагическом моменте в жизни Василия Дмитриевича хочется сказать словами протопресвитера Г. Шавельского, также овдовевшего ещё совсем молодым священником. Вот как он передаёт тогдашние свои мысли: «Ужель и я разделю участь несчастных вдовцов, которые в эти дни вспоминались мне? Нет! Этого не будет! С горем надо уметь обращаться. Поддашься ему, оно насядет и задушит тебя. А ты борись, одолевай его, выбивайся из его цепких рук! Дальнейший путь мой ясен: я должен поступить в академию...» [Шавельский, 2016, с. 104].

Как бы то ни было, именно в 1896 г. о. Василий Богоявленский поступает в Казанскую духовную академию и оканчивает её с отличием в 1900 г., специализируясь в области церковной истории. Он выбрал неординарную тему кандидатской работы – «Епархиальные съезды духовенства, их деятельность и значение». При чтении этого труда обращает на себя внимание интерес автора не только к работе съездов, но и к самим проблемам, обсуждаемым на них (обучения, бытового обустройства и пенсионного обеспечения духовенства, приходов и расходов епархий). Сказывалось воспитание в семье благочинных и делегата епархиальных съездов. Отец Василий даже увлекается иногда, вдаваясь в подробности дел, разбираемых на съездах, или позволяя себе эмоциональные реакции, будто примеряет на себя роль организатора епархиальной жизни.

Можно сказать, что уже тогда (конечно, далёкий от мысли, что ему случится управлять епархией) о. Василий определил для себя основные направления необходимого преобразования церковной жизни, которым 11 лет спустя последует на Черниговщине. Однако ценность кандидатской работы В.Д. Богоявленского как научного источника не в том, что она оказалась «планом модернизации», а в том, что она до сих пор остаётся своего рода энциклопедией быта русского духовенства последней трети XIX в.

В.Д. Богоявленский был оставлен в Казани сначала священником кладбищенской церкви. К 1907 г. 40-летний В.Д. Богоявленский – уже ключарь Кафедрального собора и член Казанской духовной консистории, приобретший опыт административной, миссионерской и благотворительной епархиальной работы. В том же году он защищает магистерскую диссертацию «Вторая Книга Маккавейская: Опыт исагогического исследования», которую историки продолжают цитировать и в XXI в.¹², так как автору едва ли не первому удалось обосновать историческую достоверность описываемых в Книге событий. Этот труд свидетельствует не только об образованности, но и о значительном духовном росте её автора, произошедшем более чем за 10 лет казанского служения.

Неоценимо влияние в этот период на личность о. Василия и на выбор им иноческого пути двух иерархов Церкви: митрополита Антония (Храповицкого), ректора Казанской духовной академии в годы обучения там будущего священномученика («Ведь это – Антоний Храповицкий, великий уловитель душ в монашество!» [Киприан (Керн), 2012 с. 10]), и митрополита Антония (Вадковского), также выпускника Тамбовской духовной семинарии и Казанской духовной академии. «Образованным, умным, воспитанным, тонким и элегантным» [Шавельский, 2010, с. 325-326], по праву столичным митрополитом запомнил его о. Георгий Шавельский: «Это был человек большого ума и высокой морали, исключительного такта» [Шавельский, 2016, с. 115].

---

¹¹ Махина Л. Тамара – внучка Св. Василия (Богоявленского), Архиеп. Черниговского и Нежинского // Троицкий вiсник. 2001. № 10 (85). С. 3.

¹² См.: Заратин Р.В. Становление государственного аппарата в птолемеевском Египте: Кон. IV – нач. II вв. до н.э.: Дис. канд. ист. н. М.: МПГУ, 2002. 382 с.

Именно Антоний (Вадковский), с его упованием на грядущую роль учёного монашества как в иерархии РПЦ, так и в системе духовного образования, укрепил в магистре богословия Богоявленском решимость принять постриг. Нам не известно точно, встречался ли о. Василий с Антонием (Вадковским) до 1908 г. в Санкт-Петербурге. Косвенным свидетельством того, что о. Василий Богоявленский посещал северную столицу в период своей жизни в Казани и приобщился к её культурной жизни, является упоминание Т.Д. Богоявленской о близком знакомстве деда со знаменитым живописцем И.Е. Репиным¹³. Свидетельством может быть и то, что в 1911 г. Василий Дмитриевич использует налаженные связи с Императорской Академией художеств в Петербурге: предложит её выпускнику А.Н. Протопопову («своему товарищу и другу» [Священномученик Василий, 2014, с. 314]) оформить художественную книгу-альбом «Картины церковной жизни Черниговской епархии из IX-вековой ея истории» – в дар прибывающему в Чернигов Николаю II.

Дата мученической кончины совпадёт с датой ухода от мира о. Василия с интервалом в 10 лет. Пострижение его произошло в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской Лавре 14 августа ст. ст. 1908 г., имя, данное при крещении, было сохранено. Почти через год, 26 июля 1909 г., в Александро-Невской же Лавре сам митрополит Антоний (Вадковский) посвятит архимандрита Василия в епископы. В качестве викария Харьковской епархии Василий (Богоявленский) с успехом осуществил строительство гостевых домов для многочисленных паломников местной святыни. В марте 1911 г. владыка был переведён в Черниговскую епархию викарным епископом Новгород-Северским, а уже 12 мая был утверждён в качестве епархиального епископа.

В бытность свою ректором Черниговской духовной семинарии за два года до того архимандрит Василий, «деликатно обходительный со всеми» [Священномученик Василий, 2014, с. 258], произвёл впечатление на местное духовенство: он продемонстрировал понимание того, что молодёжь духовного сословия, с одной стороны, необходимо удерживать от мирских соблазнов, но с другой, незачем прятать от благих веяний современности. На собственном опыте и на опыте своих однокашников В.Д. Богоявленский хорошо знал быт семинаристов: «Своекоштные воспитанники семинарии во внеклассное время оставались большею частью в самой невероятной обстановке, которая должна губительно действовать на умственное, нравственное и физическое развитие учеников, – писал ещё в 1900 г. о. Василий. – Достаточно представить себе квартиру своекоштных воспитанников. Грязные, тесные, с отсутствием всякой вентиляции, рядом с кухней, распространявшей часто угар, квартиры были совершенно непригодны для занятий. <...> Вообще нужно сказать, что семинарскому начальству трудно было знать благонадёжность в нравственном отношении лиц, отдающих квартиры <...>, не было физической возможности уследить за воспитанниками, рассеянными по захолустьям всего города. <...> О хороших столах в таких дешёвых грязных квартирах тоже не могло быть и речи» [Богоявленский, 1902, с. 36-38].

Строгий там, где необходимо, и, вместе с тем, открытый для общения, ректор не только позаботился о благоустройстве и расширении общежития, чтобы там могли жить своекоштные семинаристы, но сделал яркой, насыщенной внеучебную жизнь воспитанников: позволил им некоторые развлечения, поощрял творчество. Летом 1909 г. вывез старших семинаристов на экскурсию по городам Крыма и рассказывал о чудесах полуострова со знанием дела, ведь даже в своём магистерском труде он углубляется в историю Херсонеса: «Диодонт в 100 г. до Р. Хр. спас жителей Херсонеса, в Крыму, от нашествия скифских варваров <...> его победа была предсказана богиней – покровительницей осаждённого города» [Богоявленский, 1907, с. 236].

Вернувшись в Черниговскую епархию, епископ Василий (Богоявленский) поставил одной из главных своих задач развитие системы православного образования в области преподавания не только духовных, но и светских научных дисциплин: литературы,

---

¹³ В беседе с автором. Также см.: *Махина Л. Тамара...* С.3.

лингвистики (сам знал не менее шести языков, что явствует из его трудов), основ агротехники и медицины. Первым начинанием епископа, кстати, стала организация санатория для семинаристов со слабым здоровьем.

Василий (Богоявленский) видел культурно-просветительскую роль Церкви важнейшей её миссией в русском обществе XX в., мечтая, чтобы к 1000-летию крещения Руси РПЦ подошла таким же авторитетным и прогрессивным институтом, каким была прежде. «Известно, что с момента принятия русским народом православной веры духовенство долгое время было единственным учителем народа. Но с течением времени, благодаря неблагоприятно сложившимся историческим условиям русской культуры, духовенство было принуждено оставить дело просвещения народа. Только после освобождения народа от крепостной зависимости 19-го февраля 1861 года духовенство снова выступает в качестве организаторов школьного воспитания и образования. Таким образом, на всём протяжении исторической жизни русского народа духовенство оставалось и, осмеливаемся думать, останется единственно, неизменно верным двигателем образования народа» [Богоявленский, 1902, с. 89-90].

Вот перечень того, что с 1911 по 1917 гг. успел сделать Василий Черниговский в области образования: значительно расширил программу обучения в женском духовном училище и открыл второе (во имя Василия Великого) женское училище с сельскохозяйственным отделом, а при нём – сельскохозяйственные курсы для учителей церковных школ; организовал миссионерские пастырские курсы и церковно-певческую школу при архиерейском хоре; учредил двухлетние богословские курсы при семинарии для замещения хронически пустовавших священнических мест в бедных приходах (на основе дозволяющего такую практику распоряжения Св. Синода); во время Первой мировой войны создал приют для детей воинов.

Необходимо отметить особенное внимание Василия Дмитриевича к проблемам женского образования, проявившееся уже к 1900 г.: в своей кандидатской диссертации, отталкиваясь от решений епархиальных съездов по этому вопросу, он освещает тему гораздо шире и глубже, чем того требуют рамки его диссертационного исследования. Способности к наукам, признанные в аттестатах как минимум трёх поколений мужчин Богоявленских / Сеславинских, конечно, проявлялись и у женских отпрысков семейства (что не без гордости отметил сам Василий Дмитриевич, перечисляя успехи племянниц¹⁴), но в дореформенные времена образованию девочек не уделяли должного внимания.

«Духовенство вполне понимало <...>, – пишет В.Д. Богоявленский, – как необходима священнику-пастырю подруга жизни, развитая умственно и нравственно <...>, понимало недостаток в семье серьёзно обученной и благонастроенной матери, которая <...> совершила бы то, чего не может сделать отец; понимало духовенство и вообще необходимость в деревне именно такого лица женского пола, которое бы <...> влияло на женскую половину крестьянского населения, коснеющего часто в невежестве и грубейших суевериях <...>, часто не знающего самых элементарных гигиенических правил здоровья, каковое лицо женского пола содействовало бы духовному влиянию самого приходского священника» [Богоявленский, 1902, с. 54-57].

Подчеркнув значение образованной женщины как жены, матери и «матушки» мужниного прихода, сделав подробный обзор истории женского духовного образования в России, начиная с 1832 г., о. Василий выражает от имени русского общества благодарность епархиальным съездам за то, что они открыли двери женских духовных училищ и для

---

¹⁴ В.Д. Богоявленский писал в 1917 г. о родственницах: «Две дантистки – сестра Анна Богоявленская <...> и племянница Лидия Раева <...> племянница М.Н. Богоявленская, окончившая с золотой медалью 8 кл[ассов] Тамбовской гимназии и бывшая начальницей прогимназии на хуторе в Тамбовской губернии <...> в настоящее время [Мария] учится на Московских высших женских педагогических курсах <...> Юлия Богоявленская, отлично играющая на рояле и хорошо преподающая музыку <...> Нина Димитревская <...> талантливая учительница, окончившая первой ученицей 8-кл[ассное] Черниговское епархиальное женское училище, и с золотой медалью» [Священномученик Василий, 2014, с. 400-401].

иносословных воспитанниц: «... епархиальные училища дают честных самоотверженных тружениц, сотни и тысячи их отправляются во все концы России просвещать тёмную массу народа, о каковом служении торжественно было заявлено на Всемирной выставке в Чикаго» [Богоявленский, 1902, с. 132]. Таким образом, ещё на заре XX в. В.Д. Богоявленский прозревает ту исключительную роль, которую суждено будет сыграть «первым учительницам» в деле ликвидации безграмотности населения России.

Несбывшейся мечтой архиепископа стало создание Высшего женского педагогического православного института (по примеру московского) в дворцовом комплексе графа П.В. Завадовского (министра Народного просвещения при Александре I), хотя Проект и получил государственную поддержку: времени, оставшегося до Мировой войны и революций, уже не хватило. К преподаванию в институте предполагалось допускать, что было весьма прогрессивно, образованных женщин: «Профессорами и преподавателями могут быть и лица женского пола». Проект Положения об институте предполагал гуманитарное и агрономическое направления обучения в нём. Для практики будущих институток в с. Ляличи была создана и уже заработала «второклассная школа» для крестьянских детей [Священномученик Василий, 2014, с. 260, 263, 272, 277, 296, 391, 402].

В новом Епархиальном доме (построенном в Чернигове по проекту, разработанному с учётом новых потребностей епархии под руководством владыки Василия в 1911-1912 гг.¹⁵) работала бесплатная библиотека, крупнейшая в России из епархиальных, проводились концерты инструментальной музыки и хорового пения, народные чтения (с использованием волшебного фонаря) и собрания религиозно-философского общества по типу петербургского, благословлённого митрополитом Антонием (Вадковским) для установления диалога между Церковью и интеллигенцией. «При постройке Епархиального дома <преосвященный> присутствовал каждый день, во всё вникал, всем распоряжался» и даже пострадал: один из рабочих, обидевшись на замечание, «под предлогом нечаянности сбросил ему с высоты на плечи ящик с разведённой известью, от чего преосвященный подвергся даже заболеванию» [Священномученик Василий, 2014, с. 148, 268].

При Василии Черниговском в епархии возросло количество церковно-приходских школ, расширился штат учителей в них. Для работы владыка Василий старался привлекать специалистов с высшим образованием из других губерний и из столиц. В.Д. Богоявленский, историк церкви по специальности, действительно был увлечён исторической наукой: древлехранителище и Церковно-археологический комитет, расположившиеся в Епархиальном доме, выполняли просветительские и научно-исследовательские функции. Проект же Положения о Высшем женском институте содержал отдельный параграф: «На обязанности правления и всех служащих в институте лежит забота о сохранности Лялического дворца как исторического памятника» [Священномученик Василий, 2014, с. 297]¹⁶.

В церковной благотворительности владыка Василий видел ещё одно предназначение Церкви как общественного института. Через 1000 с лишним местных отделений Братства Св. князя Михаила Черниговского, расширенного молодым епископом, до двух миллионов рублей в деньгах, вещах и продуктах было истрачено на помощь фронту во время Первой мировой войны, голодающим Царства Польского, на поддержание бедного духовенства [Священномученик Василий, 2014, с. 77-81]. Благодаря усилиям архиерея, епархия приобрела дополнительный источник доходов от торговли церковными книгами и

---

¹⁵ Теперь это знаменитое здание Черниговской филармонии.

¹⁶ Этот некогда роскошный дворцовый комплекс графа П.В. Завадовского пришёл в упадок: отделанные мрамором, с фресками на стенах первые этажи служили хлевом скоту. Увидев в таком поругании и историческую память, и художественные шедевры, епископ задумал выкупить лялическое имение у киевского купца М. Голодца под учебные и благотворительные цели. Однако о цене договорились только перед самым началом Мировой войны. В советское время Ляличи окончательно превратились в руины.

богослужебными принадлежностями, прежде монополюбно находившейся в руках купцов и фабрикантов [Священномученик Василий, 2014, с. 228, 301]).

«Чтобы получились такие блестящие результаты, сколько нужно было положить труда, энергии, предприимчивости, массы мелкой кропотливой работы» [Богоявленский, 1902, с. 64-65], – как подходит эта оценка, данная им другим, самому преосвященному Василию! Впрочем, Василий Богоявленский, конечно, не всё делал сам, – он умел привлечь к проектам людей, опытных в торговле и в строительстве.

Труд епископа не остался незамеченным Св. Церковью: пятого октября 1916 г. состоялось посвящение Василия в сан архиепископа. А сердце Владыки выдерживало нагрузку с трудом: «Вследствие переутомления в Чернигове я вот уже три раза болел весьма опасно <...> Хроническая болезнь сердца <...> обострилась» [Священномученик Василий, 2014, с. 323, 400], – констатировал он. И отец, и дядя Иван, и обе дочери последнего умерли на пятом десятке лет, – у 50-летнего архиепископа, не жалевшего здоровья, был повод беспокоиться за жизнь, но... «Сила Божия, – писал о. Василий ещё в своей магистерской диссертации, – подаётся человеку тем более, чем более человек открывает ей своё сердце; сила Божия подаётся только тогда, когда человек старается победить препятствия, встречаемые им на пути...» [Богоявленский, 1907, с. 307].

Информационно-образовательную функцию и функцию организации благотворительности в Черниговской епархии отчасти взяли на себя церковные издания, созданные по распоряжению В.Д. Богоявленского: ежедневная газета «Черниговский церковно-общественный вестник» и выходивший два раза в месяц журнал «Вера и жизнь». Ревизор С.Г. Рункевич так рапортовал Святейшему Синоду: «Совершенно необычно жителю Петрограда было встретить по улице газетчиков-мальчишек, в быстром беге звонко выкрикивавших название церковной газеты со свежими новостями, и ещё необычнее было видеть, что среди публики был спрос на газету» [Священномученик Василий, 2014, с. 78].

Вероятно, именно этот издательский успех привёл к тому, что летом 1916 г. тогда ещё епископ Василий (Богоявленский) был назначен исполняющим обязанности председателя Издательского Совета при Святейшем Правительствующем Синоде. Дома, у себя в квартире на Кабинетской, 17, по его собственным воспоминаниям, он работал по Издательскому совету с протоиереями Миртовым и Лахостским, в Синоде настаивал на технической ревизии синодальной типографии, вызвав тем самым гнев товарища обер-прокурора кн. Жевахова [Священномученик Василий, 2014, с. 392-393]. По его инициативе была начата подготовительная работа к изданию Православного Энциклопедического Словаря [Священномученик Василий, 2014, с. 361].

В летнюю 1916 г. и в зимнюю 1916/17 гг. сессии Василий Черниговский работал в Санкт-Петербурге в качестве присутствующего члена Святейшего Синода¹⁷. Возможно, был вызываем в Синод и ранее: смотритель Черниговского духовного училища М.А. Доброгаев, говоря о Владыке, упоминал: «31 октября 1913 года он мне писал из Петрограда, где участвовал в сессии Синода...» [Священномученик Василий, 2014, с. 316]. А сам В.Д. Богоявленский писал: «В летнюю сессию 1915 года нам лично пришлось быть свидетелем громаднейшей травли в газетах против Св. Синода» [Священномученик Василий, 2014, с. 387], – не уточняя, правда, работал ли он в Синоде в тот год.

Со слов архиепископа известно, что, приезжая на сессии Синода в столицу, в салонах он не бывал, «политики никакой не делал», занимаясь только синодальными делами, а именно (помимо дел Издательского совета): настаивал на отклонении полновластия Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны в распоряжении церковными сборами; сделал два доклада о необходимости разработки законопроекта об учреждении при Синоде особого Совета по делам церковной благотворительности (что и было осуществлено назначенной комиссией

---

¹⁷ См.: . Ковырзин К.В. Механизм формирования личного состава Св. Синода РПЦ в период думской монархии в России (1905-1917): к постановке проблемы // Ежегодная богословская конференция СПТГУ. 2015, № 25. С. 71-79.

под его председательством с участием членов Думы и Государственного Совета [Священномученик Василий, 2014, с. 361]); возражал по поводу ревизии деятельности Самарского епископа; предложил Синоду проф. А.В. Смирнова¹⁸, протоиерея, в качестве эксперта для обсуждения проекта Устава духовных академий [Священномученик Василий, 2014, с. 392-393]. «Но главное, за это время я был занят разработкой законопроекта об открытии в Черниговской епархии в Ляличском дворце высшего педагогического института» [Священномученик Василий, 2014, с. 361], – подчёркивал сам Василий Дмитриевич.

Протопресвитер русской армии и флота Г.И. Шавельский, также присутствующий член Синода в те годы, так описывал В.Д. Богоявленского: «Архиепископ Василий, магистр богословия, мог производить большое впечатление на мало знавших его. Высокого роста, красивый, умный и красноречивый, ловкий и вкрадчивый, он останавливал на себе внимание. К сожалению, он страдал многими недостатками...» (все недостатки сводились к «беспринципному прожектёрству», по мнению о. Георгия, и к коммерческому складу ума) [Шавельский, 2010, с. 465]. «Очень не нравился мне Черниговский епископ Василий...» [Шавельский, 2016, с. 448].

Словно упреждая обращённые к нему обвинения в неподобающей будто бы архипастырю «приземлённости», о. Василий писал ещё в 1900 г., имея за плечами лишь опыт приходского священника: «Эти же практические интересы тесно связаны с интересами чисто духовными, и от забот о них никогда иерархи не были свободны, как не были свободны от них и сами апостолы, которые, как известно, для непосредственного заведывания экономическими делами избрали даже особых “седьм мужей”, чтобы самим можно было пребывать исключительно в молитве и служении Слову Божию» [Богоявленский, 1902, с. 154-155].

На время участия и владыки Василия, и о. Г. Шавельского в работе зимней сессии Синода пришлось события Февральской революции 1917 г. На основании двух цитат из текстов В.Д. Богоявленского можно высказать предположение, что идеи либерализма не были ему чужды. Годы работы в Черниговской епархии, как пишет он сам, «хотя протекли и при старом режиме, но всё-таки в XX в.», а некое мнение «уже давно признано ошибочным <...> педагогическим опытом передовых народов <...> сознание ошибочности этого мнения ширится и в нашем обществе» [Священномученик Василий, 2014, с. 197, 393]. Т.е. как «старый режим» (царский), так и «наше общество» (в основной его массе) связывались архиепископом с представлением об отсталости – очень в духе времени. Однако политика и форма власти вообще могли интересовать В.Д. Богоявленского лишь постольку, поскольку способствовали или мешали ему осуществлять своё архипастырское служение.

В любом случае под всеми историческими документами Св. Синода после отречения императора стоит в числе десяти подпись архиепископа Василия. Стоит и подпись протопресвитера Г.И. Шавельского. Однако есть два документа, под одним из которых нет подписи Шавельского, а под другим – Богоявленского (у Василия Дмитриевича в 1917 г., думается, тоже появились причины обвинять Шавельского в беспринципности) ...

«...Его ответ, – вспоминает кн. Жевахов отказ Первенствующего члена Св. Синода митрополита Владимира обратиться с умиротворяющим воззванием к восставшему народу, – явился не отказом высшей церковной иерархии помочь государству в момент опасности, а самым заурядным явлением оппозиции Синода к Обер-Прокуратуре...» [Жевахов, 2007, с. 105]. В оппозиции, хоть и не сразу, Синод оказался и по отношению к новому, революционному, обер-прокурору – после всего нескольких дней надежд на благие перемены. После отречения Николая II Синоду ничего иного не оставалось, кроме как

---

¹⁸ «Самарский епископ» – Михаил (Богданов), ровесник и соученик В.Д. Богоявленского по Казанской духовной академии, о. А. Смирнов – профессор этой академии в 1900-е гг., оба они были хорошо знакомы Владыке Василию и заслужили его доверие. Оба вошли в состав Св. Синода после 14 апреля 1917 г.

поддержать в своих *определениях* и *посланиях* Временное Правительство. Однако Церковь не получила обещанной Революцией свободы самоуправления.

И тогда, уже 8 марта ст. ст., явилось *Заявление шести архиепископов Св. Синода* (тот документ, что без подписи Шавельского) – по сути, ультиматум обер-прокурору, в котором Тихон (Беллавин), Сергей (Страгородский)¹⁹, Василий (Богоявленский) и ещё три присутствующих члена Синода объявляли, что «не считают себя в праве <...> брать на себя ответственность за все мероприятия, какие Временное Правительство или единолично г. Обер-Прокурор найдут нужным провести в церковном управлении» [Российское духовенство, 2006, с. 29-30]. О не последней роли В.Д. Богоявленского в организации сей акции протеста заставляет думать то, что одно из предсказанных «мероприятий» прямо касалось Василия Черниговского как главы Издательского Совета:

«Прологом послужила докладная записка профессора Петроградской Духовной Академии Б. В. Титлинова обер-прокурору В.Н. Львову, поданная 8 марта, в которой он <...> предлагает передать печатный орган Синода совету Петроградской Академии. Проект Титлинова, очевидно, совпадал с видами обер-прокурора, и 22 марта В.Н. Львов предложил Синоду уволить в отставку редактора “Всероссийского церковно-общественного вестника” профессора М.А. Остроумова и передать издание совету Петроградской Академии» [Цыпин, 1997, с. 185], – пишет современный историк церкви протоиерей В. Цыпин.

Рискнём предположить, что архиепископ Василий пострадал первым (в череде впоследствии смещённых со своих кафедр епископов) именно как сопротивлявшийся вмешательству в издательские дела Синода «зачинщик бунта». Так начался период, который биографы В.Д. Богоявленского назвали во вступительной статье к своей книге «восхождением на Голгофу» [Священномученик Василий, 2014, с. 6]. После 22 марта события развивались в такой последовательности:

— Синод был распущен на Пасхальные каникулы, почти все уехали из Петрограда; 24 марта [Священномученик Василий, 2014, с. 47] В.Д. Богоявленский вернулся в Чернигов. Но ещё в начале марта, сразу после *Заявления шести архиепископов*, В.Н. Львов командировал для проверки делопроизводства в Черниговской епархии С.Г. Рункевича, и к 24 марта [Священномученик Василий, 2014, с. 63] рапорт ревизора был готов.

— Вышеупомянутое предложение В.Н. Львова от 22 марта по поводу синодального издания из членов Синода подписали, как подчёркивает В. Цыпин, только «преосвященный Сергей и отец Георгий Шавельский <...> но напористый обер-прокурор, игнорируя юридическую несостоятельность документа, пропускает определение к исполнению. 24 марта он извещает ректора Петроградской Духовной Академии о как бы состоявшемся постановлении Синода» [Цыпин, 1997, с. 204] (вот документ, подписание которого В.Д. Богоявленский не мог не счесть проявлением «беспринципности» о. Г. Шавельского). Беспринципным подобное самоуправство сочли и прочие члены Синода: «На первом же заседании полного Синода митрополит Владимир обрушился на архиепископа Сергия и на меня за “Церковный вестник”» [Шавельский, 2016, с. 474].

— Предупреждая сопротивление Василия Богоявленского как главы Издательского отдела, В.Н. Львов стремился нейтрализовать его первым и направил две телеграммы в Чернигов: «Возбудите официальную просьбу духовенства и мирян об увольнении Василия Черниговского на покой...», «Прошу прислать депутацию духовенства и мирян для соответствующего перед Синодом ходатайства, которое поддержу» [Священномученик Василий, 2014, с. 395].

— 25 марта В.Д. Богоявленский был арестован, по распоряжению губернского исполкома, в своих покоях черниговского Троицкого монастыря. «Свой арест я признаю незаконным» [Священномученик Василий, 2014, с. 362], – письменно заявил он.

---

¹⁹ Первый – будущий Патриарх Тихон, второй – фактический глава РПЦ после Тихона, в последний год своей жизни Патриарх Сергей.

— 29 марта архиепископ препровождён в Петроград и, по распоряжению тогда ещё министра юстиции А.Ф. Керенского, в страстную пятницу 31 марта взят под домашний арест в квартире на Кабинетской улице, 17 [Священномученик Василий, 2014, с. 48]. Лишённый свободы, Василий Дмитриевич ещё и принуждён был читать мерзости о себе в прессе: так, газета «Русская воля», ссылаясь якобы на свежие данные синодальной ревизии, в те дни как раз обвинила черниговского архиерея в изнасиловании сестры милосердия (ничего подобного не только в действительности, но и в материалах ревизии не было). Позже В.Д. Богоявленский потребует официального опровержения в прессе порочащих его публикаций [Священномученик Василий, 2014, с. 412].

За пять лет до этой, предпоследней в его жизни, Пасхи Владыка Василий обращался к своей черниговской пастве: «Вот в глубокую полночь раздаётся благовест. Чьё сердце не трепетало от радости при звуках этих полночных ударов церковного колокола! <...> Вот, наконец, после тревожного ожидания наступает величественный, торжественный, дивный момент – слышится радостно-победная весть “Христос Воскресе из мертвых, смерть поправ <...> и сущим во гробех живот даровав”. <...> В это время мы чувствуем, что переживаем действительно своё возрождение»²⁰.

Пасха 2 апреля 1917 г. несла Василию Богоявленскому поистине крестный путь до грядущего возрождения в лике священномучеников: чуть более половины экстренно и не в полном составе собравшегося черниговского духовенства послушно проголосовало за удаление Василия Богоявленского с черниговской кафедры, В.Н. Львов в Петрограде лично предъявил смещённому архиерею обвинение в превышении власти. Однако 14 апреля Св. Синод не нашёл ни одно обвинение убедительным, вынеся специальное Определение [Священномученик Василий, 2014, с. 353].

На следующий же день, пятнадцатого апреля, «в зал заседаний Синода вошли В.Н. Львов с группой чиновников и военных. Революционный обер-прокурор, служивший прежде в кавалергардском полку, громко скомандовал: “Прошу встать! Объявляю указ Временного правительства”, – и зачитал распоряжение о прекращении зимней сессии Синода и об увольнении его членов...» [Цыпин, 1997, с. 205]. Это был беспрецедентный акт, – Синод, отказавшийся обвинить Василия Богоявленского, был тотчас распущен в полном составе.

С 24 апреля по 4 мая Василий Дмитриевич продолжал бороться за своё доброе имя: в этот период он направил в Синод четыре рапорта с приложением документов, доказывающих ложность обвинений обер-прокурора и черниговских жалобщиков. И всё-таки шестого мая уже новый состав Св. Синода определил: «ради церковного мира в Черниговской епархии» [Священномученик Василий, 2014, с. 421] уволить на покой архиепископа Василия и направить настоятелем в Теребенскую Николаевскую пустынь Тверской епархии (заштатный, не общежитийный монастырь). Правда, уже восьмого мая 1917 г. Синод удовлетворил просьбу В.Д. Богоявленского о двухмесячном отпуске в Кисловодск для лечения [Священномученик Василий, 2014, с. 423], и владыка отбыл туда.

Святейший Правительствующий Синод не счёл достаточно аргументированными обвинения против архиепископа, поэтому и теперь, наверное, не стоило бы о них вспоминать, если бы не цитированные уже публикации: мемуары известного своим злословием Г.И. Шавельского и книга Е.А. Логуновой и А.Ф. Тарасенко, имевших целью обнародовать все архивные документы, связанные с синодальной ревизией Черниговской епархии весной 1917 г. Дело в том, что необоснованность обвинений, предъявленных В.Д. Богоявленскому, не всегда так самоочевидна, как это представляется публикаторам (и вовсе трудно по изучении материалов ревизии отрицать повод для подозрения архиепископа в превышении власти). Требуется разъяснения.

---

²⁰ Василий (Богоявленский В.Д.). Слово Преосвященнейшего Василия, епископа Черниговского и Нежинского, на отдание Пасхи. – Чернигов, 1912. – 25 с. – С. 5. («Вера и жизнь». – 1912. – № 10).

Хотя аргументированное опровержение многих обвинений он предоставил сам [Священномученик Василий, 2014, с. 181-209, 357-411, 412-418], рассмотрим некоторые мотивы деятельности Василия Дмитриевича, позволяющие создать объёмный образ личности этого человека, энергичного, страстного, кажется, далёкого от образа инока «не от мира сего». Уроженец тамбовской земли, некогда заселявшейся донскими казаками и другими вольными людьми, где бы ни трудился архиепископ Василий в дальнейшем, он чувствовал себя укоренённым в российской почве, деятелем на ниве её. Служба его РПЦ имела целью будущее процветание – епархии, губернии, а тем самым и всей России. Иных целей не было.

«Современные психологи, – писал он в 1912 г. под впечатлением только что прочитанной книги французского психиатра П. Леви о силе внушения, – сами признают, что во многих случаях духовное влияние гораздо сильнее всевозможных пилюль и капель, поэтому слабовольных людей с задатками духовного возрождения они прямо предлагают лечить психотерапией, воздействуя через дух на тело. Вспомните, пастыри, что высшие психотерапевты – вы, духовные врачи, не только влияющие на души, но прямо исцеляющие душевные недуги верующих властью, данной вам Свыше. А потому всегда <...> смело, убеждённо, со властью будите души ваших пасомых!»²¹. Сам он подавал пример, стремясь пробудить к благочестивой и полезной деятельности души своих «соратников на ниве Христовой».

Но лидерам, волевым и целеустремлённым, часто свойственно заблуждаться относительно своего окружения: они видят в подчинённых единомышленников, не предполагая ни в ком малодушия или корыстного подострастия, равняя всех по себе. Не замечают поэтому и гнёта, под которым держат «малых сих». Это общее правило по-своему подтвердил «психолог» ревизор Рункевич: «Обманутый или обманывающий себя сам преосвященный <...> говорит, что какое-либо давление на духовенство вообще не соответствует его характеру» [Священномученик Василий, 2014, с. 70]. Когда же недавние сподвижники кричат «распни его!» при смене конъюнктуры, такой человек бывает глубоко потрясён предательством. Не многие остались верны, как Е.А. Горбацевич или протоиерей кафедрального собора Чернигова А. Ефимов, публично выступивший с укором в адрес епархиальных иуд [Священномученик Василий, 2014, с. 300-301, 330, 411-412].

Владыку обвиняли в том, что он не довольствовался скромным проектом нового Епархиального дома, принятым при прежнем архиерее, и увеличил смету, построив в итоге «лучшее сооружение в Чернигове»: «...даже как-то делается неловко при сознании скромного материального положения духовенства <...> Впечатление получается такое, что Дом рассчитан на потребности, которых наличная действительность не предъявляет» [Священномученик Василий, 2014, с. 80-81, 83], – делает вывод ревизор.

Верно. Богоявленский провидел иной XX век, не тот, который мы все прожили. Он мечтал о том, как Епархиальный дом станет центром культурной жизни губернии под эгидой Церкви. В своей магистерской диссертации о. Василий писал: «Природа человека двойственна, она состоит из органического тела, полного величия, стройности и красоты и способного быть органом души, и разумной души...» [Богоявленский, 1907, с. 301]. «Полным величия, стройности и красоты» хотел видеть архиерей и телесный «орган» Церкви – её здания. Изъездив всю епархию (любил служить сам и проповедовал везде, где служит [Священномученик Василий, 2014, с. 263]), епископ навёл порядок в храмах буквально – настаивал на чистоте в них, чтобы эта «роскошь бедных» сияла даже там, где иная красота не доступна. За любовь к благолепию его заподозрили в «атеизме» и в «ницшеанском реализме» [Священномученик Василий, 2014, с. 268, 274].

---

²¹ Василий (Богоявленский В.Д.). Архипастырское слово преосвященного Василия, епископа Черниговского, к соратникам на ниве Христовой, пастырям церкви Черниговской. – Чернигов, 1912. – 25 с. – С.9. («Вера и жизнь». – 1912. – № 7).

Василия Богоявленского обвиняли в «непослушании и своеволии» [Священномученик Василий, 2014, с. 269], примером которых в черниговский период должно было послужить то, что архиерей, в соответствии с постановлением якобы «порабощённого» им епархиального съезда духовенства [Священномученик Василий, 2014, с. 132, 270-271], заимствовал средства на строительство училища из эмеритальной кассы епархии (капитал которой при нём заметно возрос, надо заметить [Священномученик Василий, 2014, с. 79-80]). Заимствовал ещё до того, как Св. Синод разрешил это, а именно: «... с декабря 1914 г. по февраль 1916 г., указ же Св. Синода <...> состоялся лишь 27 июля 1916 года» [Священномученик Василий, 2014, с. 352].

В этой связи вспоминается фрагмент «Второй Маккавейской книги», который на рубеже XIX и XX вв. воспринимался многими как аргумент против её исторической достоверности (фрагмент будто бы содержит нарушение хронологии: получение некоего разрешения постфактум). В магистерской диссертации В.Д. Богоявленский аргумент этот опровергает отсылкой к здравому смыслу: «Ходатайство и просьбы иудеев-победителей к царю объясняются просто политическими соображениями <...>, а разрешение царя на возобновление храма, уже обновлённого иудеями, есть подтверждение совершившегося факта, юридическая санкция того, что сделано без согласия царя» [Богоявленский, 1907, с. 126].

Ещё в 1907 г. о. Василий верил, что победителей не судят, а осудивший его за «беспринципность» протопресвитер Г. Шавельский на склоне лет сам неожиданно сделал сенсационное признание: «На всех местах <...>, какие приходилось мне занимать, я не удовлетворялся традицией, шаблоном и даже законом, если он не служил на пользу дела, и всегда стремился внести в работу <...> нечто новое, лучшее, отвечающее действительным нуждам и запросам. Преследуя эту цель, я нередко нарушал закон <...>, ибо не жизнь для закона, а закон для жизни» [Шавельский, 2016, с. 659].

Самым серьёзным обвинением против В.Д. Богоявленского стало обвинение в коммерциализации епархиальной жизни («...даже Троицкая чудотворная икона Божией Матери отправлена по епархии для заработков на Васильевские коммерческие дела» [Священномученик Василий, 2014, с. 180]) и в симонии. Последнее обвинение основывалось, главным образом, на сопоставлении опубликованных в епархиальной же печати списков лиц, назначенных на церковные должности, со списками жертвователей на покупку Ляличского дворца (списки не совпадали, но пересекались).

Осуществивший эту работу синодальный ревизор Д.И. Солунский (сын священника, впавшего в немилость Владыки за то, что «мог позволить себе высовывать язык из алтаря игумении» [Священномученик Василий, 2014, с. 404-405]) писал в докладной записке: «...явление симонии <...> в Черниговской епархии глубоко вкоренилось ещё в силу того обстоятельства, что денежные поборы за посвящение в сан <...> облечены здесь в форму сборов и пожертвований на дела благотворения и просвещения» [Священномученик Василий, 2014, с. 96]. Даже лично заинтересованный в мести владыке синодальный чиновник не мог не признать, что вся епархиальная бухгалтерия велась открыто: отчётность по расходам была представлена, всем жертвователям выдавались квитанции. То есть, даже обвинив в симонии, никто не посмел обвинить архиепископа в личной корысти.

Г.И. Шавельский сетовал в своих мемуарах: «Церковь обладала огромнейшими средствами, которые могла широко использовать для культурно-просветительных и благотворительных целей <...> Можно без гонца говорить на тему о неиспользовании Синодом находившихся в его власти Церковных богатств» [Шавельский, 2010, с. 472]. В чём же его претензия к архиепископу Василию? – ведь именно эту, скорее, ригидность, чем скупость, русского епископата и пытался преодолеть Богоявленский. Он стремился привести церковные средства в движение, направить их именно на решение социальных задач, заставить работать на просвещение (народное и самого – не белого или чёрного, а тёмного в значительной своей части – тогдашнего приходского духовенства).

Настоятелем Терebenской пустыни после возвращения из Кисловодска Василий Дмитриевич пробыл недолго: 11 августа 1917 г. Св. Синод слушал дело о замещении должности настоятеля Московского Заиконоспасского монастыря и приказал: «...Преосвященного Василия, Архиепископа бывшего Черниговского назначить управляющим, на правах настоятеля, Московским Заиконоспасским Ставропигиальным монастырем»²². В Синоде, а может быть, и в правительстве были люди, которые давно знали архиепископа, ценили его и считали, что в Москве, в качестве члена Предсоборного Совета, 50-летний Богоявленский будет более полезен, чем в тверской глуши. Кто ещё, кроме двух вышеупомянутых казанских друзей Василия Богоявленского, членов нового Синода, мог способствовать переводу его в Москву – вопрос будущих исследований.

Хорошо знавший Василия Богоявленского и по совместной с ним работе в Синоде, и уже как настоятеля Заиконоспасского монастыря, в мае 1918 г. Патриарх Тихон назначил архиепископа Благочинным ставропигиальных монастырей, а в июле Василий Дмитриевич Богоявленский был избран членом Всероссийского Поместного Собора.

В это самое время возникает необходимость прояснить обстоятельства ареста в июне и последующей гибели пермского архиепископа сщмч. Андроника (Никольского). Именно В.Д. Богоявленский был назначен Собором главой комиссии по расследованию этой трагедии. Тогда, по воспоминаниям о. Г. Шавельского [Шавельский, 2016, с. 330] в Соборе председательствовал митрополит Антоний (Храповицкий). В середине августа в сопровождении члена комиссии А.Д. Зверева Богоявленский отправился в красную Пермь, заручившись согласием московских властей. 26 августа 1918 г., собрав все необходимые материалы, Соборная комиссия выехала обратно. Однако до Москвы В.Д. Богоявленскому, А.Д. Звереву и пермскому архимандриту Матфею (Померанцеву) не суждено было доехать: все члены комиссии были высажены из поезда красноармейцами сразу за Камским мостом и убиты, тела сожжены впоследствии.

Соглашаясь возглавить Синодальную комиссию, Василий Дмитриевич не мог не осознавать степень риска: волной прокатились уже по России убийства священнослужителей, был замучен в Киеве и бывший Первенствующий член Св. Синода митрополит Владимир (Богоявленский). Но очевидно, что миссией своей, христианской и архипастырской, воспринял владыка Василий тяжкое послушание. Отважный в мирное время, Василий Богоявленский готов оказался к жертвенному подвигу установления справедливости и во время братоубийственной Гражданской войны.

«Под именем исповедания должно разуметь такое поведение человека в отношении веры, по которому он, вызываемый врагами истины, не только не прикрывает себя обманчивою наружностью, для каких-либо земных видов, но и словами и делами открыто свидетельствует свою веру в Бога и своё упование, хотя бы за это надлежало пожертвовать своими выгодами, благосостоянием и самую жизнь» [Богоявленский, 1907, с. 323], – писал вскоре после первой Русской революции сам будущий священномученик.

На Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ в августе 2000 г. архиепископ Василий (Богоявленский) канонизирован для общецерковного прославления в лике священномучеников, с установлением дней молитвенного поминовения 7 февраля и 27 августа. Ранее, осенью 1981 г., он уже был включён в Список новомучеников и исповедников российских, утверждённый Архиерейским собором РПЦЗ. А в мае 2017 г. Священным Синодом сщмч. Василий был причислен к сонму Святых отец Поместного Собора Церкви Русская (1917-1918 годов) с днём поминовения 16 ноября н. ст.

Литература

---

²² РГИА. Ф. 796. Оп. 204. I отд. V ст. Д. 318.

1. Богоявленский В., свящ. Вторая книга Маккавейская: опыт isaгогического исследования. Казань, 1907. 366 с.
2. Богоявленский В. Епархиальные съезды духовенства: их деятельность и значение. Омск, 1902. 158 с.
3. Жевахов Н.Д., кн. Воспоминания товарища Обер-Прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. СПб.: Царское Дело, 2007. 935 с.
4. Киприан (Керн), архим. Воспоминания о митрополите Антонии (Храповицком) и епископе Гаврииле (Чепуре) / Архимандрит Киприан (Керн). 2-е изд., испр. М.: Изд-во ПСТГУ, 2012. 143 с.
5. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Сост., предисл. и комментарии М.А. Бабкин. М.: Индрик, 2006. 504 с.
6. Священномученик Василий (Богоявленский), архиепископ Черниговский и Нежинский: Материалы к жизнеописанию / Сост. и авт. вступ. ст. Е.А. Логунова, А.Ф. Тарасенко. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014. 452 с.
7. Справочная книга Казанской епархии. Казань: Издание Казанской Духовной Консistorии, 1904. 795 с. [Электронный ресурс] URL: <http://ru.calameo.com/read/002055968496073ce917d> (дата обращения: 14.07.2017).
8. Цыпин В., протоиер. История русской церкви. В 9 кн. Кн. 9 (1917-1997). М.: Изд-во Спасо-Преобр. Валаам. монастыря, 1997. 830 с.
9. Шавельский Г., протопресв. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2010. 701 с. – (Сер. «Материалы по истории Церкви», Кн. 11-12).
10. Шавельский Г.И., протопресвитер. В школе и на службе: Воспоминания. – Москва – Брюссель: Conference Sainte Trinite du Patriarcat de Moscou ASBL; Екатеринбургский мужской монастырь, 2016. – 824 с.

REFERENCES

1. Bogojavlenskij V. Eparhial'nye syezdy duhovenstva: ih dejatel'nost' i znachenie. Omsk, 1902. 158 s.
2. Bogojavlenskij V., svjashh. Vtoraja kniga Makkavejskaja: opyt isagogicheskogo issledovanija. Kazan', 1907. 366 s.
3. Cypin V., protoier. Istorija russkoj cerkvi. V 9 kn. Kn. 9 (1917-1997). M.: Izd-vo Spaso-Preobr. Valaam. monastyrja, 1997. 830 s.
4. Kiprian (Kern), arhim. Vospominanija o mitropolite Antonii (Hrapovickom) i episkope Gavriile (Chepure) / Arhimandrit Kiprian (Kern). 2-e izd., ispr. M.: Izd-vo PSTGU, 2012. 143 s.
5. Rossijskoe duhovenstvo i sverzhenie monarhii v 1917 godu: materialy i arhivnye dokumenty po istorii Russkoj pravoslavnoj cerkvi / Sost., predisl. i kommentarii M.A. Babkin. M.: Indrik, 2006. 504 s.
6. Shavel'skij G., protopresv. Vospominanija poslednego protopresvitera Russkoj armii i flota. M.: Izd-vo Krutitskogo podvor'ya, 2010. 701 s. – (Ser. «Materialy po istorii Cerkvi», Kn. 11-12).
7. Shavel'skij G., protopresv. V shkole i na sluzhbe: Vospominanija. M. – Brussel: Conference Sainte Trinite du Patriarcat de Moscou ASBL; Ekaterininskij muzhskoj monastyr', 2016. – 824 s.
8. Spravochnaja kniga Kazanskoj eparhii. Kazan': Izdanie Kazanskoj Duhovnoj Konsistorii, 1904. 795 s. [Jelektronnyj resurs] URL: <http://ru.calameo.com/read/002055968496073ce917d> (data obrashhenija: 14.07.2017).
9. Svjashhennomuchenik Vasilij (Bogojavlenskij), arhiepiscope Chernigovskij i Nezhinskij: Materialy k zhizneopisaniju / Sost. i avt. vstup. st. E.A. Logunova, A.F. Tarasenko. M.: Izd-vo PSTGU, 2014. 452 s.
10. Zhevahov N.D., kn. Vospominanija tovarishha Ober-Prokurora Sv. Sinoda knjazja N. D. Zhevahova. SPb.: Carskoe Delo, 2007. 935 s.

Об авторе:

Светлана Николаевна Лютова, кандидат филологических наук, дипломированный специалист в областях журналистики и психологии, доцент, доцент кафедры философии университета МГИМО МИД России (Россия, 119454, г. Москва, просп. Вернадского, 76).
Область научных интересов – философия культуры.

E-mail: samorodinka@yandex.ru

About the author:

Svetlana Nikolayevna Lyutova, Ph.D. in Philology, M.S. in Psychology, M.S. in Journalism, Docent, associate professor of Philosophy Dept. at the MGIMO-University / 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454 Russia /, research interests: Philosophy of culture.

E-mail: samorodinka@yandex.ru